



Живот болел отчаянно.

— Умираю, — прошептал Иван Пузыренко. Прошептал еле слышно, однако жена уловила этот беззвучный сигнал бедствия.

— Опять обожрался, идол! Как на работу, так болен! А лакать здоровье позволяет!

И все-таки за машиной пошла. Кто его знает, этого Ивана. Вдруг и вправду помрет.

В больнице к нему подошел квадратный человек с выпученными глазами. Ткнул кулаком в живот. Иван

ойкнул.

— Дело ясное-понятное, — сказал квадратный. — Разделять будем. Волоките его на стол.

Ивану стало страшновато, но не успел он как следует испугаться, как уже оказался в операционной.

— Давай ножик, — скомандовал квадратный медсестре.

— А может, не надо, — пискнула она, — я крови ужасно боюсь.

Квадратный оскалился.

— Во кадру подсунули! Ты откуда такая боякая?

— Библиотекарь я, — прошептала девушка. — Я отказывалась. Говорят: надо. Ну, я и пошла.

— Раз пошла, подавай ножик.

Сестра протянула ему скальпель.

— Что ты мне суешь?! Этим огрызком только в ногтях ковыряться! Я свой инструмент припас.

Квадратный наклонился и вытащил из-за голенища нож, похожий на казачью шашку.

— Этим сподручней будет, — удовлетворенно заметил он, пробуя лезвие ногтем.

Тут уж Иван Пузыренко не выдержал.

— Ты что это задумал, разбойник?! Разве хирурги такими штыками ковыряются?

— А ты не вякай, — хладнокровно распорядился квадратный. — Твое дело телячье: лежи и жди, что я из тебя производить стану... «Хирург»!.. Какой я тебе хирург! С мяскокомбината я. Хирурга к тебе в колхоз на уборку услали. Ну, а меня вроде как шефа вместо него. Только вот девку квелую в помощь подкинули. Крови боится, интеллигенция. Ну, я свычный, сам управлюсь. Подставляй пузо-то.

И он с размаху ткнул свою саблю в живот Ивану.

Заорал Иван дурным голосом, и... проснулся. — Дома он лежал, А живот-таки болел отчаянно.

Иван поскрипел небритой щекой и принялся думать. И мысли у него были все какие-то прогрессивные, исполненные заботы. Думал Иван о том, что не худо бы, действительно, пойти на работу, а доктора из больницы пусть бы своими маленькими ножичками орудовали. И то сказать, какие из них хлеборобы? Смех один!

Итогом его размышлений явилось твердое решение завтра же отправиться в поле. А может быть, послезавтра. Или, вернее, на той неделе, с понедельника.

Успокоенный этим благородным решением, Иван повернулся на другой бок. И боль в животе вроде бы стихла.